

Шаньюй подхватил его на руки и бережно уложил на кровать. Увидев мокрое от слёз лицо, он взял у слуги влажную ткань и принялся нежно вытирать его. Красавец, оказавшийся нагой перед чужими людьми, сгорал от стыда, но шаньюй не ограничился этим — он вытер его тело, а затем склонился и поцеловал. От этих поцелуев у красавца потемнело в глазах. Шаньюй уложил его на постель, встал и приказал слугам:

— Немедленно оденьте его.

В присутствии шаньюя красавец уже не смел капризничать. Он покорно надел одежду кочевников, волосы заплели в мелкие косички и собрали. На лбу по-прежнему красовалось украшение из волчьих клыков и самоцветов, а в ушах — серьги из алой яшмы. На улице стоял холод, и шаньюй надел на него шапку из лисьего меха. Нежное лицо, обрамлённое белым пушистым мехом, было так прекрасно, что, казалось, затмевало всё вокруг.

Сердце шаньюя дрогнуло. Он наклонился и поцеловал его покрашенные губы, хрипло спросив:

— Умеешь ездить верхом?

Красавец слегка кивнул. Мужчины ханьской императорской семьи с детства учились верховой езде и стрельбе из лука. Хотя он не был искусным наездником, но основы знал.

Ближе к полудню шаньюй наконец вывел свою яньчжи, чтобы проводить послов, прибывших для заключения брачного союза с Хань. Увидев знакомых ханьских сановников, почтительно кланяющихся шаньюю, красавец снова заплакал. Посол, доверенное лицо его брата, накануне видел его с шаньюем и, конечно же, донесёт обо всём императору. Красавец рыдал, а посол с тяжёлым взглядом опустил перед ним на колени:

— Ваше высочество, берегите себя.

Красавец отвернулся, беспрестанно утирая слёзы.

Шаньюй, обняв его за талию, недовольно прогнал посла, а письмо от ханьского императора, переданное ему, отбросил с презрением.

Красавец с тоской смотрел на него, следя за тёмно-жёлтым шёлковым свитком в его руке. Когда шаньюй швырнул письмо в огонь, он готов был упасть в обморок от горя.

Шаньюй крепко держал его, гневно сверкнув глазами. Красавец замер, но крупные слёзы продолжали катиться по щекам — ему казалось, сердце вот-вот разорвётся.

После отъезда ханьских послов многие из приближённых шаньюя также стали прощаться. Красавец и шаньюй восседали на почётных местах в царском дворе, безучастно наблюдая, как уродливые варвары один за другим подходят к шаньюю.

Старший сын также пришёл проститься. После свадьбы отца он отправлялся в свои южные владения — шаньюй намеревался даровать ему титул левого князя и дал множество наставлений.

Когда старший сын поднялся, чтобы уйти, он с улыбкой преподнёс шаньюю подарок — пару изящных красных фонарей, купленных на пограничном рынке у земель Хань. Увидев эти прекрасные фонари, красавец широко раскрыл глаза. Шаньюй обрадовался: его яньчжи наконец перестал плакать и смотрел на фонари с жадным интересом. Фонари тут же вручили яньчжи, а старший сын добавил:

— По обычаям ханьцев, на свадьбах вешают красные фонари. Желаю отцу и яньчжи долгой совместной жизни и единения сердец.

Красавец слушал эти неуклюжие пожелания на ханьском языке, едва сдерживая усмешку. Но фонари были прекрасны, да и старший сын, хоть и походил на отца, смотрел на него с доброжелательностью — поэтому неприязнь немного ослабла.

Второго сына шаньюй вновь отправил в северо-западную пустыню, в ссылку, лишив всякой власти. Причина была в том, что тот по-прежнему отказывался жениться на принцессе Шали. Даже третий сын скрывался от отца, добровольно отправившись в восточные степи. Оба принца не желали брака с принцессой Шали, чем сильно разгневали шаньюя и особенно её отца, Хуяня. Хуянь был великим полководцем шаньюя и прибыл в царский двор, чтобы устроить брак младшей дочери, но оба принца ему отказали.

Дабы успокоить полководца Хуяня, шаньюй оставил при себе его младшего сына Хулэ в качестве телохранителя, а принцессу Шали сосватал за другого своего военачальника. Узнав, что её не выдали ни за одного принца, принцесса Шали чуть не учинила скандал прямо в царском дворе.

Красавец и издали разглядел принцессу Шали — та и вправду оказалась уродлива. Он и так был предвзят к варварам, считая, что служанки, приставленные к нему, ещё куда ни шли, но эта принцесса Шали смахивала на чёрную свиноматку. Хуянь, сам тучный, передал дочери свою внешность: она была толстой, дородной, с крупным лицом. Неудивительно, что принцы предпочли бегство браку с ней.

Ночью, готовясь ко сну, красавец устроился в объятиях шаньюя и принялся нашептывать ему на ухо. Шаньюй, обожавший эти моменты, крепко прижимал его к себе, слушая бормотание.

Красавец, прильнув к его уху, сказал:

— Великий правитель, почему бы тебе не выдать принцессу Шали за Ирданя?

Шаньюй ответил:

— Ирдань ещё молод. Через пару лет можно будет подумать о его браке.

Красавец надул губы:

— Какой же он молод? Ему уже шестнадцать, возраст для женитьбы подходящий. Тебе следует выдать принцессу Шали за него. Сегодня она выглядела очень несчастной, и отец её тоже разгневан.

Шаньюй тяжело вздохнул. Сегодня он действительно огорчил Хуяня, а это не способствует устойчивости его власти. Красавец снова принялся шептать:

— Ирдань совсем неразумен, даже не пытается разделить твои заботы!

Шаньюй тотчас расвирепел:

— Не смей сеять раздор!

Шаньюй терпеть не мог ханьские хитрости и интриги, и то, что его яньчжи злословил о его сыне, привело его в ярость. Красавец тут же покраснел, губы его задрожали, и он готов был

расплакаться:

— Ты на меня кричишь! Мой брат никогда со мной так громко не говорил!

Шаньюй погладил его по щеке, немного смягчившись:

— Не говори больше плохого об Ирдане.

Красавец, моргая, то ли готов был заплакать, то ли разгневаться. Ему страстно хотелось рассказать шаньюю, как тот мерзкий варвар его оскорбил, но, видя такую пристрастность, он понимал: если шаньюй узнает, что сын его поцеловал, накажут не сына, а его самого. Шаньюй прижал его к плечу и принялся стаскивать с него одежду. Красавец, всхлипывая, оказался на кровати, где шаньюй принялся покрывать поцелуями его тело.

Проклятый Ирдань! Он готов был его живьём проглотить!

На следующее утро красавец проснулся лишь под полдень. Тело его всё ещё ныло и было слабым после ночи, когда шаньюй вновь страстно его любил. Он всё больше привыкал засыпать в мужских объятиях. Ночью шаньюй, поглаживая его живот, говорил, что хочет, чтобы тот родил ему маленького принца или принцессу. Мужчина за сорок нежно обнимал его и шептал ласковые слова, обещая вечно его баловать и прося свою яньчжи не плакать при нём, иначе это выставит его бессильным.

Красавец содрогнулся от омерзения: одна мысль о том, что его живот может раздуться от этого уродливого варвара, повергала его в ужас. Едва проснувшись, он в панике позвал слугу и велел принести тайные ароматические пилюли. Эти пилюли были подарком брата-императора, и лишь они двое знали об их истинном назначении. Одну маленькую пилюлю, наносимую на пупок раз в месяц, достаточно было, чтобы тело благоухало, лицо сияло румянцем, а кожа становилась фарфорово-гладкой, и вдобавок она предотвращала зачатие. Ханьский император любил его до безумия, предпочитая, чтобы тот остался бездетным и лишился милости, нежели зачал ребёнка от хунну. Перед отъездом он наказал ему реже заниматься любовью с мужем, обещая однажды забрать его обратно.

Император Хань, хоть и юный, питал к нему нездоровую страсть. Вдовствующая императрица, видя эту одержимость сына, предпочла разорвать отношения, но отправить красавца в Хунну ради мира. Придворный предсказатель когда-то изрёк пророчество: если красавец останется в ханьском дворце, он непременно станет губительной соблазнительницей, что погубит страну. Такой роковой красавицы не вынесла бы ни вдовствующая императрица, ни сам император, и потому его отправили на погибель хунну.

Пророчество, возможно, содержало крупицу истины, ведь красавец и вправду внес разлад в покои шаньюя.

Едва красавец нанёс ароматическую пилюлю, как заметил, что угол палатки чуть приподнялся. Он мгновенно насторожился, запахнул одежду и схватил заранее приготовленный кинжал. Его длинные волосы были распущены, а тело, укутанное в тончайший тёмный шёлк, смутно угадывалось под тканью.

Снова это был третий сын, Ирдань. Юный принц, одержимый им, вновь рискнул жизнью, пробравшись в отцовскую палатку, лишь бы украдкой взглянуть на него. Увидев, как красавец стоит перед бронзовым зеркалом с отвращением на лице, одной рукой придерживая одежду, а другой сжимая кинжал и готовый закричать, Ирдань осторожно приблизился и, подняв обгоревший шёлковый свиток, умоляюще произнёс:

<http://bllate.org/book/16253/1461947>